

Ангел Богданович

**Эпигоны народничества: Г.
Меньшиков, самый яркий
представитель их. Народник...**

Ангел Иванович Богданович
Эпигоны народничества:
Г. Меньшиков, самый
яркий представитель их.
Народник старого типа: Н. Е.
Петропавловский-Каронин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5676894

Аннотация

«Идеи, какъ и люди, не умирають, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ. Онѣ раздробляются и развѣтвляются, и изъ одного, вначалѣ сильнаго и широкаго, теченія получается нѣсколько мелкихъ струекъ, которыя журчатъ себѣ потихоньку, пока не волюются въ новый сильный потокъ. То же было и съ народничествомъ, которое не осталось безъ эпигоновъ, хотя и извратившихъ идею стараго народничества до неузнаваемости, но сохранившихъ прямую и явную связь съ нимъ...» *Произведение дается в дореформенном алфавите.*

А. И. Богдановичъ

Эпигоны народничества:-

**Г. Меньшиковъ, самый
яркій представитель ихъ. —**

Народникъ стараго типа:—

**Н. Е. Петропавловскій-
Каронинъ.**

Идеи, какъ и люди, не умирають, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ. Онѣ раздробляются и развѣтвляются, и изъ одного, вначалѣ сильнаго и широкаго, теченія получается нѣсколько мелкихъ струекъ, которыя журчатъ себѣ потихоньку, пока не волюются въ новый сильный потокъ. То же было и съ народничествомъ, которое не осталось безъ эпигоновъ, хотя и извратившихъ идею стараго народничества до неузнаваемости, но сохранившихъ прямую и явную связь съ нимъ. Эту связь можно назвать «народолюбіемъ», понятіемъ еще болѣе туманнымъ и расплывчатымъ, чѣмъ само народничество. Народолюбіе эпигоновъ представляетъ нѣчто смутное и неопредѣленное, слащавое до приторности и сентиментальное, напоминающее времена «Бѣдной Лизы», ко-

гда жизнь на лонѣ природы, въ восхитительной обстановкѣ ничѣмъ не испорченной «натуры» представлялась идеаломъ счастья и благополучія. Теперь лоно природы замѣняется просто деревней, которой противопоставляется городъ, вмѣсто пейзажъ, говорятъ просто крестьяне, но, какъ увидимъ ниже, сущность осталась та же.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей этихъ эпигоновъ народничества является г. Меньшиковъ, собравшій воедино разсѣянные на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ свои сладкогласованія о деревнѣ и выпустившій ихъ подъ громкимъ и заманчивымъ титуломъ «Думы о счастьѣ». Г. Меньшиковъ не громкій писатель, и большинство нашихъ читателей, можетъ, о немъ и не много слышали. Тѣмъ любопытнѣе имъ познакомиться съ писателемъ, тихоструйныя рѣчи котораго касаются предмета, столь для всякаго близкаго и дорогого, какъ счастье.

Мы не можемъ подобрать для характеристики г. Меньшикова, какъ писателя, лучшаго эпитета. Именно – тихоструйный. Рѣчь его льется тихо и плавно, обходя камни и препоны, не задѣвая выступовъ и отроговъ, не опускаясь въ омуты и не возносясь до вершинъ. Гладкія фразы, закругленные періоды, мягкія выраженія мало-по-малу закутываютъ читателя, какъ теплое пуховое одѣяло, нѣжатъ слухъ, какъ мѣрный шепотъ рассказывающей сказку няни, подъ говоръ которой вы такъ сладко засыпали въ дѣтствѣ. Нѣчто подобное вы испытываете, читая «Думы о счастьѣ» г. Меньшикова, и отъ вре-

мени до времени надо сдѣлать усиліе, стряхнуть съ себя ту дрему, которую навѣваетъ мѣрная плавность его стиля. Какъ писатель, г. Меньшиковъ лишень темперамента. Его ничто не взволнуетъ, ничто не выведетъ изъ себя, не заставятъ крикнуть отъ боли или возликовать отъ радости. Неизмѣнно спокойный и размѣренный, онъ цѣдитъ словцо за словцомъ, выписываетъ не дрогнувшей рукой фразу за фразой, страничку за страничкой, пока самодовольно и съ пріятнымъ сознаніемъ благополучно доведеннаго до конца дѣла не поставитъ послѣднюю точку.

Пишетъ онъ много и пространно, но всегда съ кротостью и незлобіемъ, съ спокойствіемъ души, обрѣтшей миръ въ сознаніи достигнутой истины. И только склонный къ критикѣ и анализу читатель усмотритъ мѣстами въ этой кротости нѣкое вѣяніе лицемѣрія, присутствіе тонкаго яда хорошо скрытой злости и далеко не братолюбивыхъ чувствъ. Разъ уловивъ этотъ тонъ дѣланности и неискренности, вы уже не можете отдѣлаться отъ впечатлѣнія натяжки и непріятной поддѣлки. Въ концѣ концовъ получается странный результатъ. Чѣмъ болѣе вы читаете этого писателя, тѣмъ меньше онъ становится для васъ убѣдительнымъ. Повидимому, онъ говоритъ трюизмы, ходячія аксіомы, высказываетъ мысли, которыя каждому по сту разъ на день приходится говорить не замѣчая, а между тѣмъ въ устахъ г. Меньшикова онѣ получаютъ какой-то вызывающій на противорѣчіе оттѣнокъ. Зависитъ это отъ того, что г. Меньшиковъ, взявъ ходячую истину,

заявляетъ сразу: «а я говорю совсѣмъ напротивъ», какъ поступаетъ у Гл. Успенскаго сельскій писарь, поучающій своего пріятеля ухаживать за барышнями. По увѣренію писаря, пріемъ побѣдоносный и непреодолимый, но въ данномъ случаѣ мало убѣдительный, тѣмъ болѣе, что г. Меньшиковъ постоянно впадаетъ въ противорѣчія и самъ себя побиваетъ на каждомъ шагу.

Происходитъ это отъ непреодолимой страсти г. Меньшикова къ оригинальничанью. Какъ мыслитель, онъ меньше всего оригиналенъ, и, сознавая за собой эту слабость, г. Меньшиковъ нарочно выбираетъ самыя простыя темы, но стремится разработать ихъ возможно чуднѣй. Отсюда и происходитъ удивительная смѣсь трюизмовъ и банальностей съ самыми невѣроятными, рискованными и противорѣчивыми положеніями. Изъ самага простаго обыденнаго житейскаго вопроса нашъ философъ стремится создать нѣчто уму не постижимое по глубинѣ и наворочаетъ кучу фразъ, витіевыхъ, запутанныхъ, яко бы глубокомысленныхъ, а въ сущности пустыхъ и бессодержательныхъ. Въ концѣ концовъ получается несноснѣйшая скука, которую вѣтъ отъ этихъ «думъ о счастьѣ».

Начинаетъ онъ, какъ всегда, издалека. «Чтобы понять, въ чемъ счастье, нужно заглянуть въ сердце несчастныхъ, самыхъ несчастныхъ, какіе есть на свѣтѣ». Совѣтъ не дурень, хотя, правду говоря, неосуществимъ и открываетъ широкое поле для всякихъ мудрствованій, чѣмъ авторъ и пользуется.

ся беззащитно. Во-первыхъ, кто самый несчастный? Понятія «счастливый», «несчастный» такъ индивидуальны, что подыскать общую мѣрку немислимо. А во-вторыхъ, почему сердце несчастнаго болѣе доступно для наблюдений, «заглядыванія», чѣмъ сердце счастливаго. Только въ участкѣ, по словамъ Щедрина, умѣютъ читать въ сердцахъ и выдавать соотвѣтственные аттестаты, да и то главнымъ образомъ по части благонадежности и неблагонадежности. Чтобы еще больше запутать вопросъ, г. Меньшиковъ беретъ представителями сугубаго несчастія самоубійцы, – нѣкоего неудачника-поэта и удачнаго генерала, который взялъ да и застрѣлился наканунѣ назначенія на высокій постъ. Г. Меньшиковъ пытливо вопрошаетъ сердца самоубійцы, которыя уже не бьются и ни на какіе вопросы не могутъ дать ни прямыхъ, ни косвенныхъ отвѣтовъ. Начинается тягучее воркованіе, переливчатая рѣчь на тему – жилъ человѣкъ и нѣтъ человѣка. А почему его нѣтъ, никому неизвѣстно, въ томъ числѣ и г. Меньшикову, который скромно, но съ достоинствомъ самъ сознается въ этомъ. «Сколько я помню молодежи, сверстниковъ моихъ, покончившихъ съ собой безъ всякихъ, сколько-нибудь уловимыхъ причинъ: нельзя же, напр., считать „причиною“ то, что человѣкъ проигралъ деньги, не получилъ обѣщаннаго отпуска, не дождался свиданія съ женщиной, которою увлекся». Правильно, никто противъ этого спорить не станетъ, ибо причины, перечисленные г. Меньшиковымъ, дѣйствительно пустыя, и самоубійцы, лишаящіе себя жизни отъ такихъ пу-

стыхъ причинъ, сами, надо полагать, столь пусты, что ихъ сердца едва ли намъ многое сказали бы, если бы могли говорить. И скорбно поматывая главою, г. Меньшиковъ заканчиваетъ о самоубійцахъ: «самоубійства растутъ, растутъ въ ужасающемъ числѣ, захватывая всѣ возрасты и состоянія, все – даже высшіе предѣлы „счастья“ и даже высшіе – по преимуществу».

Что же такое счастье? – вопрошаетъ онъ далѣе. Поломавшись не мало, источивъ достаточно словесъ о разныхъ предметахъ, онъ рѣшаетъ, – основа счастья любовь къ людямъ, взаимная любовь. Для укрѣпленія столь новаго и глубоко-мысленнаго рѣшенія, ради чего пришлось г. Меньшикову покопаться въ сердцахъ самоубійць, на днѣ каковыхъ сердець оно, это рѣшеніе, было имъ обрѣтено, слѣдуютъ высоко-мудрыя ссылки на Достоевскаго, Цицерона, Сенеку, на мудрость древнихъ и новыхъ народовъ. Вообще, такова ужъ манера г. Меньшикова, чѣмъ банальнѣе, ходячѣе, общепризнаннѣе мысль, тѣмъ болѣе авторитетовъ онъ привлекаетъ къ отвѣту для вящшаго удрученія читателя.

Итакъ, основа счастья – любовь. Но, если дѣло такъ просто, то «кто же мѣшаетъ каждому любить людей»? «Вѣдь даже какой-нибудь бѣднякъ-сапожникъ любить свою грязную и взнуренную жену-прачку, имѣетъ пріятелей, такихъ же оборванцевъ, и насыщаетъ же онъ какъ-нибудь свои потребности любви и дружбы», утверждаетъ г. Меньшиковъ. И опять правъ: кто можетъ возражать противъ столь безспор-

наго положенія, что и сапожнику доступны любовь и дружба? Правильно разсуждаетъ г. Меньшиковъ, такъ правильно, что отъ этой правильности даже одурь беретъ. Васъ забираетъ сомнѣніе, ужь, чего добраго, не смѣется ли надъ вами авторъ? Ужь слишкомъ серьезно онъ говоритъ пустяки. Но, оказывается, это только прелюдія, а пьеса еще впереди.

Любовь, а слѣдовательно и счастье, доступны всѣмъ, даже и сапожнику. Далѣе авторъ дѣлаетъ внезапный скачекъ и прямо набрасывается на культуру: «Не легче ли это въ средѣ культурныхъ, изнѣженныхъ классовъ съ ихъ утонченнымъ умственнымъ и эстетическимъ развитіемъ и проч...?» — и отвѣчаетъ — «нѣтъ, не легче». Съ этого момента начинается настоящая музыка, сущность которой прославленіе деревни съ ея простотой и прочими прелестями и сугубое приниженіе города съ его культурой.

Вы думаете, культура сближаетъ людей, дѣлая ихъ болѣе чуткими къ общественнымъ дѣламъ, болѣе отзывчивыми на запросы жизни, болѣе склонными къ совмѣстной работѣ? «А я говорю совсѣмъ напротивъ»; слѣдуетъ пространное разсужденіе о томъ, что въ городѣ люди живутъ болѣе обособленно, чѣмъ въ деревнѣ, и самый убѣдительный аргументъ тотъ, что въ Петербургѣ можно жить на одной лѣстницѣ и не знать другъ друга, а въ деревнѣ каждая сосѣдка знаетъ, что у другой въ горшкѣ варится. Это ли еще не «соціабильнооть» > какъ выражается Лѣсковъ? Вы думаете, что «науки юношей питаютъ, отраду старцамъ подають», а г. Меньшико-

въ говорить «совсѣмъ напротивъ». Науки людей очерствяютъ, дѣлаютъ ихъ спеціалистами, а каждая спеціальность людей суживаетъ, черствитъ душу и сушитъ мозгъ. По вашему мнѣнію, искусства процвѣтаютъ въ городахъ и были созданы ими. «А я говорю напротивъ»,— истинное искусство возможно только въ деревнѣ, гдѣ масса свѣжихъ образовъ, зелени, воздуха. А въ городѣ школа убиваетъ оригинальность, притупляетъ художественное чувство ребенка, изъ котораго вырабатываютъ техника, заставляя его барабанить экзерциціи да вырисовывать линіи. И такъ до безконечности спорить и торжествуетъ г. Меньшиковъ, побивая на голову противника, который у него олицетворяется то въ образѣ злополучнаго петербургскаго чиновника, то городскаго заморыша, то въ обществѣ, собравшемся на журфиксъ и т. п.

Слѣдовать за авторомъ шагъ за шагомъ мы не станемъ. Все это до того уже жевано и пережевано, что перечитывать въ жвачкѣ г. Меньшикова, при всей его тихоструйности, плавности, кротости и беззлобіи, адски тоскливо и убійственно скучно. Деревенскія прелести расписаны авторомъ елейнымъ и слащавымъ языкомъ, тутъ и зеленая травка, и божья птичка, и единеніе душъ, и община, и церковь въ древнехристіанскомъ смыслѣ. Городъ губитъ и душу, и тѣло, въ немъ невозможно счастье, его надо искать въ деревнѣ, въ единеніи съ природой и народомъ. А для этого интеллигенція должна «онародиться», «раствориться въ народномъ тѣлѣ», и сдѣлать это надо такъ, чтобы и народу была

польза, и интеллигенціи и добыть малую толику «дѣтишка-мъ на молочишко». Слѣдуетъ длинное, нравоучительное и чинное размышленіе о судьбахъ интеллигенціи, потерянной, разбросанной, не имѣющей ни значенія, ни удачи въ жизни, какъ личной, такъ и общественной, и смиренное мудрованіе насчетъ народа, который великъ, могучъ, проникнуть идеей божественной миссіи.

Тутъ мы входимъ всецѣло въ область народнической аргументаціи о превосходствѣ народныхъ устоевъ, незыблемыхъ и крѣпкихъ, надъ легковѣсной интеллигентностью горожанина. Г. Меньшиковъ въ одномъ лишь рѣзко отличается отъ стараго народничества. Послѣднее призывало интеллигенцію въ деревню на службу народу во имя *долга*, онъ же — во имя счастья, которымъ желаетъ заманить интеллигенцію подъ сѣнь струй. Разница, какъ можно судить, весьма существенная.

Въ главѣ «Народъ» авторъ отмѣчаетъ разобщенность интеллигенціи и народа и задается вопросомъ, «какъ найти потерянное родство съ народомъ»? Рѣшеніе дается весьма простое. «Для этого нужно поступать такъ, какъ вы дѣлали бы гдѣ-нибудь въ Германіи, если бы хотѣли натурализоваться. Вы вышли бы изъ русской колоніи, гдѣ жили, поселились бы среди нѣмцевъ, приняли бы ихъ языкъ, вѣру, нравы, привычки, политическія обязанности и права. Только тогда нѣмцы признали бы васъ за своего. То же самое нужно сдѣлать, если мы хотимъ породниться съ своимъ народомъ: нужно воз-

вернуться въ его среду, переѣхать въ деревню, войти въ нормы ея быта, труда, настроенія, идеаловъ. Нужно онародиться, стать въ условія жизненнаго равенства съ мужикомъ. Я убѣжденъ, что для этого вовсе не нужно терять своей образованности, а необходимо сохранить ее, и вовсе не нужно погружаться въ мракъ и грязь: нужно только свое хорошее приложить къ народному хорошему. Вѣдь и для того, чтобы сдѣлаться нѣмцемъ, нѣтъ нужды пріобрѣтать дурныя нѣмецкія привычки, заражаться шовинизмомъ, пить до одури пиво и т. п. Только хорошее истинно національно, и его достаточно во всякомъ народѣ, и въ нашемъ. Образованные люди думаютъ, будто ихъ отдѣляетъ отъ простонародія образованіе, такъ что слиться съ народомъ нельзя, не потерявъ человѣческаго образа. Это грубое заблужденіе. Если образованіе истинное (а не новое суевѣріе), оно можетъ только соединять людей, а не раздѣлять; приблизившись къ народу, вы увидите, что и онъ кромѣ невѣжества, обладаетъ истиннымъ образованіемъ, и въ степени иногда удивительной! Вы встрѣтите здѣсь утонченную культуру души, характеровъ, ума, воображенія, богатую неписанную литературу, богатую музыку, прекрасно разработанный языкъ, который не могъ бы быть у необразованнаго народа, въ родѣ дикарей, довольствующихся тремя десятками словъ. Вы встрѣтите массу точнѣйшихъ знаній, заимствованныхъ изъ наблюденій природы, знаній иногда древнихъ, облеченныхъ въ іероглифы суевѣрій, ключъ къ которымъ утерянъ. Конечно, вы встрѣтите въ народѣ

и совершенное незнакомство съ вашей европейской культурой, но вѣдь и вы – крупный невѣжда въ его народной культурѣ, вѣдь и вы богаты своими суевѣрїями и іероглифами знаній. Въ общеніи съ народомъ, однако, вы сейчасъ же увидите, что ваши самыя дорогія безспорныя истины, истины нравственныя, народу понятны и даже суть какъ бы его безспорныя истины; вы увидите, что все великое, благородное, святое, вѣчное народъ только слегка какъ бы запомнитъ, но сейчасъ же, при малѣйшемъ намекѣ, припоминаетъ во всей ясности и часто яснѣе васъ самихъ», стр. 47–48).

Въ этой длинной выдержкѣ лежитъ центръ тяжести взглядовъ г. Меньшикова, и какъ напоминаютъ они творенія присноблаженной памяти Юзова или г. В. В.! Эти оба столпа народничества могли бы подписаться обѣими руками подъ тирадой г. Меньшикова. И аргументація его точь-въ-точь такая же, вмѣсто фактовъ увѣренія, вмѣсто доказательствъ – аналогїи. Никто, на примѣръ, не станетъ говорить, что народъ – дикарь, что у него нѣтъ своей культуры, что разобщенность съ народомъ полезна или желательна. Г. Меньшиковъ, какъ и покойный Юзовъ, беретъ именно такія абсурдныя положенія и ихъ побѣдоносно разбиваетъ, ни на минуту не желая замѣтить, что стучится въ открытую дверь. Зажмуривъ глаза, загипнотизированный мѣрнымъ токомъ гладко льющихся словъ, онъ монотонно твердитъ: «все безсиліе интеллигенціи въ отчужденіи... чѣмъ дальше сословіе отъ народа, тѣмъ ближе его физическая и психическая гибель... исторія

Запада и Востока доказала, что...» и т. д., и т. д.

Народники старого типа были люди прямолинейные. Она-родиться такь она-родиться. Надѣвай зипунь, берись за соху, учись пахать, косить, не бояться ни голода, ни холода. Но г. Меньшиковъ не даромъ взлелѣянь городской культурой и разстаться съ нею не желаетъ. Городъ, вообще говоря, скверень, но и въ немъ есть кое-что хорошее. Есть наука, есть искусства, народу тоже нужны. Ему нужны врачи, техники, книги и прочій антуражъ культурной жизни. Необходимо все это пересадить въ деревню, а для этого надо... строить города въ деревнѣ. Мы вовсе не думаемъ смѣяться надъ читателями, выписывая этотъ курьезный выводъ, вытекающій изъ разсуждений г. Меньшикова. Таково его разсужденіе о наукѣ и искусствѣ, которыя теперь никому не нужны въ городахъ, лежатъ безцѣльно въ сокровищницахъ музеевъ, и «если бы злой волшебникъ перенесъ потихоньку всѣ эти ученые хранилища въ Камчатку, петербургская интеллигенція не хватилась бы ихъ цѣлые годы» (стр. 109). Кому они нужны? Никому. Взять, наприм., нашу журналистику. «Толстые журналы, серьезныя книги – ихъ обыкновенно только перелистываютъ, или читаютъ ужь очень излюбленныхъ авторовъ: прочесть журналъ или книгу отъ доски до доски, какъ бываетъ часто въ провинціи, – цѣлое событіе для петербуржца. Настоящіе заправскіе читатели и теперь деревенскіе читатели: это вамъ скажутъ въ любой редакціи или книжномъ складѣ». Одинъ лишь предрасудокъ, будто городъ культур-

нѣе и образованнѣе, и только злонравіе и человѣконенавистническіе инстинкты заставляютъ людей скопляться въ города. Увлекшись, г. Меньшиковъ забылъ, что какъ разъ, напри- мѣръ, именно теперь строится новое помѣщеніе для читате- лей въ публичной библіотекѣ, потому что старое не вмѣща- етъ желающихъ заниматься въ ней. И въ любой редакціи ему могли бы дать свѣдѣнія, что деревня, въ смыслѣ подписки, пока не играетъ никакой роли. Каждый годъ контора наше- го журнала помѣщаетъ любопытную табличку распредѣленія журнала по Россіи; оказывается что девять десятыхъ общаго числа поглощаютъ губернскіе и уѣздные города, почти одну десятую Петербургъ, а въ деревню уходятъ десятки экзем- пляровъ. То же самое, конечно, и съ другими журналами, а также и массою ежегодно выходящихъ книгъ.

Знаетъ это, не хуже насъ, и г. Меньшиковъ, но ему непре- мѣнно хочется доказать, что строить города въ деревнѣ мно- го рациональнѣе. Напримѣръ, художественные музеи полу- чили бы тогда большее распространеніе, потому что вмѣ- сто нѣсколькихъ большихъ явилась бы масса маленькихъ. Въ каждомъ «деревенскомъ» городѣ явился бы свой музейчикъ, своя библіотечка, свой университетикъ, своя газетка. Пред- ставимъ себѣ только всю Россію, гдѣ нѣтъ «городскихъ» го- родовъ, а все «деревенскіе»,— развѣ это не было бы удиви- тельнымъ культурнымъ торжествомъ? Конечно, всякій ска- жетъ, что лучшаго и желать нельзя. И вы думаете, это невоз- можно. Напрасно! «Поглядите, какъ зажиточны и опрятны

нѣмецкія, голландскія, швейцарскія деревни – или хотя бы наши сибирскія села, до которыхъ городъ еще не дошелъ, или селенія колонистовъ, которыя онъ обошелъ... Мѣстами вы встрѣтите тамъ (заграницей) и телеграфъ, и телефонъ, и электрическое освѣщеніе, и почтовую контору, и магазины. Есть въ Америкѣ деревни даже съ своей газетой». Наивный читатель, пожалуй, замѣтитъ, что это Америка, ей и книги въ руки, а у насъ-то, гдѣ видѣль эти чудеса г. Меньшиковъ? Или онъ насъ приглашаетъ вообще въ деревню, а не въ русскую специально? Но тогда къ чему всѣ эти пустыя рѣчи? Про разныя заморскія чудеса и диковинки мы слышали и отъ болѣе компетентныхъ свидѣтелей, чѣмъ нашъ философъ, и выводы, къ которымъ они приходятъ, тоже не чета оригинальной идеѣ г. Меньшикова.

Только пустота нашей общественной жизни, отсутствіе здоровой и правильной общественной дѣятельности можетъ породить такую философію праздномыслія и пустословія. Въ ней одно только для насъ и любопытно, въ какую преобразованную форму отлилось старое народничество. Въ обработкѣ г. Меньшикова оно преобразилось въ чисто мѣщанскую идеализацію *своего* уголка на лонѣ природы, съ *своей* коровкой, зеленой травкой, тихой уютной жизнью въ кружкѣ *своихъ*, гдѣ всего понемножку: и любви, и науки, и искусства, и даже мужичка. И все это въ маленькой, скромной дозѣ, ибо счастье, – «мѣщанское счастье», – должно быть прежде всего достижимымъ. «Идеаль хоть на мгновеніе долженъ быть до-

стижимымъ», трогательно поясняетъ г. Меньшиковъ. «Если идеаль недостижимъ, то человекъ всегда немного недоволенъ, сколько бы ни совершенствовался, и жизнь его всегда немного отравлена... Совершенная недостижимость парализуетъ всякое желаніе стремиться къ цѣли: каждый нагнется поднять красивый цвѣтокъ, но никто не протягиваетъ руки къ звѣздамъ, не менѣ прекраснымъ, чѣмъ цвѣты. И я думаю, идеалами нужно считать цвѣты, а не звѣзды». Этотъ *цвѣточный* идеаль удивительно какъ характеренъ для мѣщанской философіи г. Меньшикова. Срывать цвѣты удовольствія есть тѣмъ охотниковъ, и возведеніе этого занятія въ идеаль – имъ, несомнѣнно, придется по вкусу.

Примѣшалась къ этой философіи и нѣкоторая доза толстовства, хотя тоже въ преображенномъ видѣ, болѣе доступномъ и легкомъ для г. Меньшикова. Онъ тоже твердитъ за графомъ – «царство Божіе внутри насъ», но, какъ рабъ лукавый, тихонько желаетъ пріобщить нѣчто и изъ внѣшняго царства. Ему хотѣлось бы совмѣстить всѣ удобства культуры съ свободою независимаго отъ этой культуры человека. Пространно и многообразно онъ силится доказать, что, онародившись и растворившись въ народѣ, интеллигенція можетъ сохранить и науку, и искусство, и комфортъ цивилизованной жизни до музеевъ включительно. Только все это надо сдѣлать маленькимъ-маленькимъ, для большаго удобства при передвиженіи и переноскѣ. Музеи онъ проектируетъ передвижными, а науку совѣтуетъ заводить у себя дома въ видѣ

отборнаго собранія лучшихъ авторовъ. Тутъ же приводится и заявленіе Эмерсона, который при видѣ всѣхъ сокровищъ британскаго музея, сказалъ, что у него все это есть въ его библіотекѣ. Ну, а если Эмерсонъ могъ имѣть, то почему не имѣть того же и любому изъ онародившихся русскихъ интеллигентовъ? Ясно, просто и убѣдительно. Впрочемъ, если вы человѣкъ неуступчивый и настаиваете на невозможности пересадить науку и все прочее въ деревню въ томъ видѣ, какъ это существуетъ въ городѣ, г. Меньшиковъ готовъ уступить вамъ. Зачѣмъ человѣку, живущему на донѣ природы, всѣ ухищренія цивилизаціи, весь научный балластъ книгъ, инструментовъ и армія жрецовъ, ими управляющихъ? «Какъ младенецъ у сосцовъ матери, онъ подмѣчаетъ тайны, скрытыя для постороннихъ». Предъ такимъ яснымъ и простымъ доводомъ умолкнетъ, конечно, всякій скептицизмъ. А относительно чудесъ и диковинокъ цивилизаціи и говорить нечего: чудеса божьяго міра превышаютъ ихъ неизмѣримо, на каждомъ шагу ихъ не оберешься, и только привычка къ нимъ заставляетъ насъ проходить мимо, не замѣчая ихъ. «Когда движется паровозъ – это удивляетъ, какъ чудо, а когда движется лошадь или птица, это кажется совершенно простымъ. Солнечное освѣщеніе въ деревнѣ вещь естественная и не возбуждаетъ вниманія. Другое дѣло электрической фонарь: въ городѣ фонарю изумляются, имъ гордятся... Возьмите другое явленіе деревни – развитіе растенія изъ сѣмени. Оно поразительно и безпредѣльно по глубинѣ, но оно

кажется „неразумнымъ“. Удивляются голубой матеріи, зеленому цвѣту крыши, тогда какъ голубая лазурь неба или зелень луговъ просты», и т. д. Словомъ, что самъ царь Соломонъ во всей славѣ своей при сравненіи съ полевой лиліей? Вспомнивъ это, г. Меиыпиковъ охотно уступаетъ культуру городу, лишь бы счастье осталось въ деревнѣ, съ чѣмъ, конечно, согласится всякій. Правда, желая быть справедливымъ, г. Меньшиковъ съ грустью отмѣчаетъ, что современная русская деревня далека отъ типа истинной живой культуры. «Нынѣшняя деревня уже не та старинная деревня, которая напоминала библейскія времена по простотѣ и строгости жизни (напр., снохачество – замѣтимъ отъ себя, – и барская конюшня съ дѣвичьей). Развѣ только въ глуши, гдѣ-нибудь въ раскольничьихъ селахъ, въ далекихъ лѣсныхъ поселкахъ или степныхъ станціяхъ можно еще встрѣтить первобытную чистоту нравовъ, глубокую религіозность, нравственную дисциплину и поэзію, неизмѣнно сопутствующія цѣломудренной жизни».

Можно бы спросить, гдѣ г. Меньшиковъ нашель эти сокровища въ прежней деревнѣ? Всѣ изслѣдователи доброй старины говорятъ совершенно иное, и только публицисты извѣстнаго сорта утверждаютъ, что прежняя деревня была идеаломъ цѣломудрія, невинности и прочаго добра. Но спорить съ г. Меньшиковымъ трудъ, по меньшей мѣрѣ неблагодарный, и мы готовы допустить, что прежде было лучше. Теперь деревня «развратилась». Какъ-же ее наставить на путь

истинный? «Все лучшее идетъ изъ деревни,— плачетъ новый Іеремія,— и назадъ не возвращается. Это истощеніе деревни долго длиться не можетъ. Пора установиться обратному теченію — изъ городовъ въ деревни, пора нашей лучшей интеллигенціи, если она не „рабъ лукавый“, возвратитъ ввѣренныя ей народомъ таланты». И когда ему приходитъ въ голову сомнѣніе, возможно ли повернуть жизнь, онъ патетически вопіетъ: «Есть же добрые, есть честные, есть чистые среди интеллигенціи, которые тоскуютъ о народѣ и, какъ олень у потока воды, жаждутъ освѣженія жизни. Вотъ для нихъ этотъ исходъ возможенъ: вѣдь онъ такъ легокъ»!

Противъ такого довода возражать нечего. Развѣ одно,— врачу исцѣлися самъ! Брось источать елейныя рѣчи, перекуй перо на орало и упейся водой изъ источника жизни. Примѣръ заразительнѣе словъ, и, можетъ быть, начнется великое переселеніе народовъ. Къ сожалѣнію, и это уже было, и это мы уже видѣли, а жизнь все идетъ по своему, меньше всего слагаясь по рецептамъ г.г. Меньшиковыхъ, съ ихъ запоздалыми откровеніями.

Такова послѣдняя метаморфоза народничества, которую можно назвать народничествомъ на буржуйной подкладкѣ.

* * *

Намъ милѣе и пріятнѣе народничество прежняго типа. При всемъ основномъ разногласіи во взглядахъ на ходъ и

задачи общественной эволюціи, при полной невозможности найти общую почву для взаимнаго пониманія и соглашенія, есть нѣчто въ народникахъ стараго типа, что дѣлаетъ ихъ произведенія до сихъ поръ интересными, а ихъ самихъ ставить неизмѣримо выше самодовольныхъ, тихоструйныхъ гг. Меншиковыхъ. Это «нѣчто» заключается прежде всего въ ихъ подкупающей искренности, въ страстной жадѣ правды, которую они искали съ такой душевной болью, съ такимъ не знающимъ предѣловъ самоотверженіемъ. Къ народу, въ деревню они стремились не ради прелестей деревенской обстановки, красотъ пейзажа и тайнъ природы, которыхъ лишены городскіе обитатели. Они искали правды человѣческихъ отношеній, основанныхъ на истинѣ и любви, и думали, что въ деревенскомъ укладѣ найдутъ ее. Если намъ видна ихъ ошибка, то этимъ мы обязаны имъ же, ихъ произведеніямъ, въ которыхъ съ художественной правдивостью они раскрывали свои заблужденія, хотя и заблуждались сами, потому что и заблужденія эти были вполнѣ искренни. Когда г. Меншиковъ расписываетъ вылощеннымъ стилемъ красоты деревенской уютной жизни, въ кругу семьи, въ единеніи съ природой, мы не можемъ отдѣлаться отъ злой насмѣшки надъ новымъ витіемъ изъ «Недѣли»: слишкомъ ясна дѣланность его паѳоса и оригинальничанія своими – «я говорю совсѣмъ напротивъ». Но когда герой разсказа г. Каронина «Борская колонія» говоритъ, что цѣль его жизни «приносить пользу народу», мы чувствуемъ, что это не пустыя слова, что для ав-

тора, какъ и для его героя, въ нихъ смыслъ жизни. Они оба доказали это именно жизнью, а не словами.

Только-что вышедшіе два тома произведеній Каронина, – второе изданіе, – въ которые вошло все написанное этимъ виднымъ представителемъ народнической литературы, даютъ богатый матеріаль для характеристики лучшихъ сторонъ этого направленія. Николай Елпидифоровичъ Петропавловскій, извѣстный преимущественно подъ псевдонимомъ «Каронинъ», представлялъ рѣдкій даже въ то время типъ по цѣльности личности. Его жизнь, убѣжденія и произведенія такъ слиты воедино, что ихъ нельзя разсматривать въ отдѣльности. Сынъ священника, онъ пережилъ всѣ деревенскія невзгоды, выносилъ въ душѣ деревенскія впечатлѣнія, которыя потомъ въ періодъ умственного роста, когда слагаются у человѣка взгляды и убѣжденія, связалъ въ цѣльную систему служенія народу.

Долгіе годы заключенія, потомъ ссылки, затѣмъ необезпеченнаго житія провинціального литератора – были постоянной провѣркой выстраданныхъ убѣждений, вѣчно-мучительнымъ исканіемъ истины, тревожной борьбой сомнѣній и вѣры въ народную правду. Приспособляться къ жизни и обстоятельствамъ, сообразно имъ усѣкать во взглядахъ слишкомъ колючіе углы – онъ органически не умѣлъ и не могъ. Чрезвычайно добрый по натурѣ, истинно «золотое сердце», онъ былъ упрямъ и суровъ во всемъ, что касалось его святая святыхъ – безпредѣльной, доходящей до трогательной нѣж-

ности, любви къ деревнѣ, къ мужику, котораго онъ хорошо зналъ и умѣлъ изображать, когда художникъ не заглушался въ немъ проповѣдникомъ. Кто зналъ его лично, никогда не забудетъ его оригинальной, торопливой, подчасъ не совсѣмъ складной, но проникнутой страстностью рѣчи, когда дѣло касалось крестьянскаго міра, крестьянской души и всего мірскаго уклада. Все, что онъ писалъ, это дѣйствительно вѣра сердца, выношенная и выстраданная, какъ мать вынашиваетъ дитя, которое любить съ слѣпой страстью, каковы бы ни были его недостатки, и, пожалуй, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ этихъ недостатковъ больше. Лично до поразительности незлобивый и кроткій, онъ отстаивалъ своего мужика съ свирѣпой горячностью, хотя никогда не закрывалъ глазъ на его отрицательныя стороны, умѣя подмѣчать ихъ и изобразить съ рѣдкимъ юморомъ.

Это чувство вѣчнаго тяготѣнія къ мужику, къ деревнѣ не было въ немъ чѣмъ-то надуманнымъ, головнымъ, изъ книги вычитаннымъ, — оно органически проникало его. Въ самой грубоватости, съ которой онъ часто выражаетъ его, чувствуется глубина этой любви, которую Каронинъ какъ бы стыдится выносить наружу, на показъ другимъ.

Въ народнической литературѣ онъ занимаетъ по праву мѣсто между Успенскимъ и г. Златовратскимъ. По изображенію деревенской жизни Каронинъ приближается къ первому, уступая ему въ яркости и глубинѣ художественнаго творчества. Отъ г. Златовратскаго его выгодно отличаетъ про-

стота языка, отсутствіе сладкой елейности и напыщенности. Прекрасный народный языкъ его деревенскихъ очерковъ доставляетъ истинное художественное удовольствіе своей чистотой и образностью, и въ этомъ отношеніи только Успенскій выше Каронина. Конечно, мы далеки отъ того, чтобы сравнивать его съ Успенскимъ вообще, такъ какъ ему недостаеетъ широты наблюденій послѣдняго, его захватывающихъ обобщеній, которыя чужды Каронину. Рамки его очерковъ всегда опредѣленны и узки, что дѣлаеетъ его наблюденія и характеристики отрывочными.

У Каронина вы не найдете такой эпической фигуры, какъ Иванъ Босыхъ, но на каждомъ шагу попадаются такіе типичные представители мужицкой среды, какъ, напр., Василій Чилигинъ въ одномъ изъ лучшихъ очерковъ «Праздничныя размышленія», на которомъ мы и остановимся. Этотъ очеркъ очень характеренъ для манеры Каронина-художника. Въ то же время въ немъ затронуты и тѣ патріархальныя стороны деревенской жизни, которыя будто бы такъ выгодно отличали ее прежде, какъ думаютъ гг. Меньшиковы, врядъ ли заглядывавшіе когда-либо въ деревню, насколько можно судить по ихъ писаніямъ, сочиняемымъ больше отъ ума, чѣмъ на основаніи реальныхъ знаній.

Описавъ сцену между Васильемъ Чилигинымъ и его отцомъ, въ которой сынъ побилъ отца, а отецъ прокусилъ ему икру, Каронинъ тутъ же поясняетъ ее, чтобы у читателя не осталось никакихъ сомнѣній насчетъ возможности подобны-

хъ родственныхъ чувствъ и отношеній. «Въ описываемомъ округѣ семейная жизнь вообще устраивалась по этому образцу: братъ корилъ сестру за ея бесполезность и старался ее спихнуть, мужъ сживаль со свѣта больную жену. Это была страшная, но неизбѣжная логика, и другой не можетъ быть тамъ, гдѣ египетская работа доставляетъ лишь сухую корку и медленно вгоняетъ работника въ гробъ. Тотъ идеаль, который мы привыкли приурочивать къ деревнѣ, обладаетъ свойствомъ внушать нервную дрожь всякому, кто никогда не видалъ ея. Законъ, право, справедливость принимаютъ здѣсь до того поразительную форму, что съ перваго раза ничего не понимаешь. Законъ представляется въ видѣ здоровеннаго Васьки; право переходитъ въ формулу: „должень честь знать“; справедливость вдругъ превращается въ похлебку, а орудіями осуществленія этихъ понятій являются – чугуны, кулакъ, зубы и ногти».

Читатели, конечно, помнятъ еще тѣ негодующіе вопли и тьму ругательствъ, которыми народники встрѣтили рассказъ г. Чехова «Мужики». Чехова укоряли въ нарочитомъ оклеветаніи деревни, въ грубомъ непониманіи народной жизни, въ злобномъ отношеніи къ народу, даже въ «марксизмѣ». Всѣхъ «несогласно мыслящихъ», кто осмѣливался признать рассказъ г. Чехова произведеніемъ художественнымъ и выдающимся по силѣ и яркости, народническая критика величала «обнаженными (?), глупцами» и т. п. Словомъ, мы не помнимъ ни одного произведенія, которое вызвало бы со стороны

народнической критики, — такую кучу грязи по адресу Чехова и его злополучных поклонников. А между тем, в его рассказ не было ничего нового, ничего, что еще задолго до него не было бы сказано именно народниками-беллетристами, в роду Каронина. В двух огромных томах его очерков вы найдете такие перлы из народной жизни, пред которыми рассказ Чехова просто блѣдная картинка.

Взятый нами очерк вовсе не исключение, он только лучше других написан, почему мы его и выбрали. Далѣ Каронинъ описываетъ отношеніе Чилигина къ женѣ, которую въ деревнѣ называли «безживотной» отъ вѣчныхъ побоевъ мужа. За остальными подвигами героя мы слѣдить не станемъ, пришлось бы перепечатать весь рассказ, что намъ представляется лишнимъ.

Въ цѣлой серіи рассказовъ про парашкинцевъ представленъ съ поразительнымъ реализмомъ необъятный міръ тьмы, невѣжества, животнаго прозябанія. Чувство жалости, охватывающее васъ вначалѣ, смѣняется ужасомъ при мысли, какъ могутъ существовать эти милліоны безъ просвѣта и радости? Авторъ не даетъ пощады читателю и на каждомъ шагу подчеркиваетъ рисуемая имъ картинка, обобщая ихъ замѣчаніями, что такъ оно есть, такъ было и нечего ждать лучшаго. Въ рассказѣ «Братья», напр., онъ описываетъ, какъ «міръ» за нѣсколько ведеръ водки сноситъ избу безногаго солдата, потому что мѣсто понадобилось кулаку для своей постройки.

И опять авторъ, чтобы не оставить въ читателѣ сомнѣній насчетъ поведенія «міра», дѣлаетъ общее замѣчаніе, безотрадное по своей ясности: «Ни одинъ изъ березовцевъ не подумалъ въ этотъ день, зачѣмъ у нихъ существовалъ міръ. Чтобы притѣснять беспомощныхъ? Но въ то же время никто не сомнѣвался въ его дѣйствительномъ существованіи. О немъ и его порядкахъ не думали, но чувствовали его. Какимъ онъ былъ раньше, этотъ пресловутый міръ, такимъ и остался. Служили ему и жили въ немъ безъ разсужденій, только эта служба походила на ту, которую исполняютъ бонзы. Объ обновленіи и перестройкѣ этого древняго храма никому и въ голову не приходило. Не придетъ ли день, когда его снесутъ такъ же, какъ снесли избу солдата съ деревянной ногой, Лапина?»

Неужели эти архиеретическія мысли высказываетъ народникъ, а не заядлый марксистъ? Въ томъ-то и дѣло, что сами народники накопили массу матеріала, которымъ злые марксисты только воспользовались для выводовъ. И странно было бы не воспользоваться, когда эти выводы торчатъ, какъ шесты, изъ всей народнической литературы. Если, тѣмъ не менѣе, сами народники приходили къ выводамъ какъ разъ обратнаго свойства, то въ этомъ повинна ихъ идеализація народной жизни. «Знаете ли, — спрашиваетъ Грубовъ въ „Борской колоніи“, — какая разница между нами и ими (мужиками)? Это то, что мы живемъ чувствомъ пріятнаго и прекраснаго, мужикъ же — чувствомъ должнаго и неизбежнаго. Мы

дѣлаемъ то, что намъ нравится, мужикъ – то, что должно дѣлать... Когда жизнь не даетъ намъ того, чего мы желаемъ, мы считаемъ ее неудавшеюся; мужикъ же считаетъ скверною ту жизнь, которая дала ему одни только грѣхи. Мы страдаемъ отъ того, что не удовлетворили своихъ желаній, мужикъ же отъ того, что не исполнилъ какой-то высшей воли, нагрѣшилъ» (Т. II, стр. 98). Такая идеализація мужика заставляла смотрѣть на его недостатки, какъ на нѣчто наносное, временное, подъ чѣмъ слѣдуетъ искать вѣчно чистаго и прекраснаго.

То же самое происходитъ и съ Каронинымъ. Какъ бытописатель деревни, онъ удивляетъ безстрашіемъ, съ какимъ раскрываетъ ея язвы, смѣлостью, съ какою дѣлаетъ заключенія и высказываетъ мрачныя предсказанія, безотраднымъ скептицизмомъ, съ какимъ относится къ «пресловутому міру». Онъ ясно видитъ, почему все лучшее и сильное уходитъ изъ деревни, понимаетъ, что здѣсь этимъ сильнымъ только одинъ исходъ – стать кулакомъ и при помощи міра душить безпомощныхъ, если не хочешь, чтобы тебя задушили. Въ длинномъ разсказѣ «Снизу вверхъ» крестьянскій парень Михайло уходитъ изъ деревни, откуда его выпираетъ общій гнетъ, голодь, страхъ за свою шкуру и прочія прелести патріархальной жизни на лонѣ природы. Михайло является въ разсказѣ представителемъ новаго поколѣнія, которое не такъ уже привержено традиціямъ, для котораго міръ не есть уже всепокоряющее божество. Молодежь эта *разсуждаетъ*, она пытли-

во ищетъ, въ чемъ же сила міра, въ чемъ его благодѣтельное вліяніе, ради чего должно смиряться и подставлять спину, если ни защиты, ни пользы отъ міра она не видитъ. Они пристають къ древнимъ старцамъ съ вопросами, какъ же прежде было? Но ничего, кромѣ непонятныхъ словъ «побожески. стой! крѣпись! Согласіе было! Коли притѣсненіе – мы молчимъ!» – не получаютъ. Михайло претерпѣваетъ въ городѣ тысячи мытарствъ, которыми онъ обязанъ своей непроходимой темнотѣ и дикости, вынесенными имъ «съ лона природы». Наконецъ, онъ выбивается въ люди, становится рабочимъ на фабрикѣ, даже машинистомъ, и тогда мысль о покинутомъ «мірѣ», гдѣ «ихъ вѣдь и теперь сѣкутъ», начинаетъ жечь его сердце, обливающееся кровью отъ этихъ воспоминаній. Но идти назадъ, «внизъ» онъ не думаетъ, понимая, что въ результатѣ только и самъ пріобщится къ числу «сѣкомыхъ».

Кажется, ясно, – ждаты спасенія надо именно въ стремленіяхъ «снизу вверхъ». Но такъ только кажется, потому что лишь только заходитъ рѣчь объ интеллигенціи, Каронинъ сразу преображается и всѣми силами толкаетъ ее «книзу», гдѣ только она и можетъ найти разрѣшеніе всѣхъ своихъ вопросовъ, мукъ и сомнѣній. Почти весь второй томъ занятъ рассказами объ этихъ страждущихъ душахъ, града взыскующихъ. Теперь, когда мы имѣемъ передъ собою въ этихъ двухъ томахъ итогъ думъ, наблюдений, выводовъ и стремлений автора, намъ ясно видны противорѣчія, въ которыя онъ впадаетъ. Основное противорѣчіе заключается въ изображеніи ни-

чтожности современного деревенского уклада, который, по его же словам, уже «не прежній», и въ то же время въ указаніи на этотъ «міръ», какъ на идеаль, къ которому должна стремиться интеллигенція. Современный укладъ деревни – «древній, опустѣвшій храмъ», въ которомъ только и могутъ служить «бонзы», безъ разсужденія, безъ критики, безъ мысли о задачахъ, которыя долженъ былъ нѣкогда преслѣдовать и осуществлять этотъ храмъ. Это съ одной стороны, съ другой же – интеллигенціи рекомендуется занять роль именно бонзы при этомъ храмѣ.

Въ разсказѣ «Борская колонія» представлена попытка вступить въ союзъ съ Васькой Чилигинымъ, чтобы на артельныхъ началахъ проводить въ деревенскій міръ идею жизни «по-божецки... сообща... стой и крѣпись». Дѣвушка, съ которой будущій колонистъ ѣдетъ въ деревню, пугается при видѣ одного пайщика, который, оказывается, наканунѣ подрался и весь въ крови. Спутникъ ея успокаиваетъ: «Выпро него спрашиваете? Это Ефремъ, нашъ пайщикъ. Если хотите знать, онъ буянъ, въ пьяномъ видѣ бьетъ жену кирпичами, за что его сынъ сажаетъ въ сарай... дерется, кромѣ того, съ кѣмъ попало, но вамъ бояться его нечего»... Понятно, чѣмъ должна кончиться такая «артель», попытка оживить въ мірѣ Чилигиныхъ идею стараго «міра», о которой Чилигины и Ефремы не сохранили никакихъ воспоминаній, а современная жизнь бьетъ ихъ совершенно иными требованіями и запросами. Чилигины остаются тѣмъ, что они есть, а піо-

неры интеллигенціи никакъ не могутъ превратиться просто въ бонзъ и бѣгутъ, бѣгутъ безъ оглядки, претерпѣвъ тысячи нравственныхъ и матеріальныхъ тяжкихъ ударовъ.

Правда, они уходятъ съ твердой увѣренностью «вернуться назадъ во что бы то ни стало».

Этой увѣренности мы не раздѣляемъ теперь, по крайней мѣрѣ, не думаемъ, чтобы этотъ путь, привелъ интеллигенцію къ твердой осѣдлости въ деревнѣ. Что между народомъ и интеллигенціей нѣтъ той пропасти, на которую указываютъ гг. Меньшиковы, Энгельгардты и ихъ присные,— это несомнѣнно. Интеллигенція составляетъ неотъемлемую часть народа, плоть отъ плоти, кость отъ костей его, и для взаимнаго пониманія и сближенія вовсе не нужны маскарадныя костюмы, опрощеніе, вовсе не требуется «онародиться», «расплыться» и тому подобное. Интеллигенція должна быть тѣмъ, что она есть,— представителемъ духовной жизни народа въ глубокомъ значеніи этого слова, его мыслью и духомъ. Только оставаясь сама собой, она становится ему понятной и близкой, и такъ должна смотрѣть на себя, никогда не выдѣляя себя и не противопоставляя себя народу. Величайшій грѣхъ, какой могла бы совершить интеллигенція, было бы отреченіе отъ своей роли и значенія, смиренное уничиженіе и самопрезрѣніе. Именно тогда она и поступила бы, какъ «рабъ лукавый», расточившій свои таланты безъ всякой пользы и смысла. Къ счастью, это и невозможно.

Фактъ, однако, остается фактомъ, что теперь между ин-

теллигенціей и народомъ нѣтъ того единенія и близости, какія возможны и желательны для обѣихъ сторонъ. Но винить интеллигенцію или народъ было бы смѣшно, такъ какъ никто не виноватъ въ этомъ. Историческія условія, приведшія къ этой отчужденности, еще не исчезли вполне, но несомнѣнно, что съ теченіемъ времени они теряютъ свою силу, создаются новыя условія, неудержимо влекущія къ тому, чтобы естественнымъ образомъ сошлись эти оба теченія — изъ народа къ интеллигенціи, т. е. къ свѣту знанія и цивилизаціи, и изъ интеллигенціи къ народу, т. е. къ своему единственному прочному устою. Но, мы думаемъ, сліяніе обоихъ теченій врядъ ля произойдетъ въ деревнѣ, по программѣ героя Каронина. На фонѣ разлагающейся деревни идиллія Каронина производитъ слишкомъ не отвѣчающее дѣйствительности впечатлѣніе, и, не говоря уже о «независящихъ обстоятельствахъ», тоже имѣющихъ свою прелесть, — не видно пока данныхъ для идилліи Каронина.

Возможно, что и самъ онъ еще во многомъ измѣнилъ бы эту программу. Онъ умеръ 88 лѣтъ, и при его правдивости, чуткости къ жизни и наблюдательности, онъ едва ли остался бы такимъ, какимъ мы знаемъ его теперь въ его сочиненіяхъ. Будучи народникомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, онъ былъ далекъ отъ сектантства, чуждъ тѣхъ метаморфозъ, которыя начали совершаться въ народничествѣ эпигоновъ еще при немъ, и меньше всего могъ проникнуться ихъ буржуазными мечтаніями о сладости существованія на лонѣ приро-

ды въ *своемъ* уголкѣ. Столь кажущаяся высокою идея «жить трудами рукъ своихъ» ни мало его не соблазняла, и въ «Борской колоніи» онъ очень вѣрно и сильно вскрываетъ ея низменное содержаніе. «Разумѣется,— говоритъ тотъ же Грубовъ,— очень хорошо жить трудами рукъ своихъ, благородно добывать хлѣбъ прямо изъ земли. Притомъ, это очень здорово и не лишено поэзіи. Только на первыхъ порахъ немного скучно. Отчего бы это? Можетъ быть, оттого, что въ этомъ раю всѣ мысли сосредоточены на себѣ: на своемъ тѣлѣ, на своей душѣ, на своемъ благородствѣ, на своемъ спасеніи,— все только на *своемъ* вертится мысль... Увлечъ человѣка можно всѣмъ, даже безумной мечтой, лишь бы въ ней заключалось величіе, самопожертвованіе, новизна, подвигъ ради людей, но увлечъ его обыденнымъ соромъ — никогда! И поднять также нельзя» (т. II, стр. 76).

Сравнивая этотъ высокій идеаль Каронина съ цвѣточнымъ идеаломъ г. Меньшикова, лучше всего уясняешь, какая пропасть раздѣляетъ эпигоновъ народничества отъ ихъ предшественниковъ. Для г. Меньшикова всѣ его «думы о счастьѣ» просто игра словами и понятіями, въ безрезультатности которой онъ и самъ вполне увѣренъ,— и во всякомъ случаѣ не увлечъ ему другихъ этимъ «копаніемъ въ сору». Для Каронина его думы и убѣжденія — это дѣло всей жизни, слово — орудіе борьбы за счастье другихъ. Потому что для него «слово имѣетъ свое сердце и это сердце есть стремленіе къ истинѣ и борьба за все человѣчное» (т. II, «На границѣ

человѣка»),— и этому *слову* онъ не измѣнялъ никогда, всею жизнью запечатлѣвъ свою преданность и любовь ко «всему человѣчному».

Ноябрь 1896 г.

Годы перелома (1895–1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство «Миръ Божій», Спб., 1908